

УДК 811.161.1

DOI: 10.17223/22220836/24/7

М.А. Толстова

ГЕНДЕР В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЛОВАРЯ¹

Статья посвящена анализу информативных возможностей лексикографического источника для изучения гендера в диалекте. На примере репрезентаций фемининных характеристик в «Вершининском словаре» анализируются средства, конструирующие гендер и гендерные стереотипы, сложившиеся в традиционной культуре и обусловленные социальными и культурными изменениями XX в. Описана гендерно маркированная лексика, представленная в словаре: слова, называющие человека по его принадлежности к полу, характеристики внешности, характера, социального статуса и вида деятельности.

Ключевые слова: гендер, гендерный стереотип, традиционная культура, словарь.

Последние десятилетия в российской гуманитарной науке отмечены бурным интересом к гендерным исследованиям, объектом изучения в которых является человек, рассматриваемый сквозь призму пола. В центре данных исследований лежит понятие «гендер», определяемое современными учеными как конструкт, в котором выстраиваются представления о мужчинах и женщинах, различия в их ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках. Среди его основных признаков выделяют институализированность, ритуализированность, культурную обусловленность и динамичность. «Гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе» [1. С. 6].

Гендер как компонент и индивидуального, и коллективного сознания изучается как когнитивный феномен, проявляющийся в виде стереотипов – «культурно и социально обусловленных мнений и пресуппозиций о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [2. С. 98]. Гендерные стереотипы, зависящие от принятых в конкретном обществе гендерных ролей, могут различаться степенью выраженности или содержанием в разных культурах и меняться на протяжении истории в рамках одной культуры. Стереотипы формируются под влиянием социальных условий и «на глубинном ментальном уровне общественного сознания, уходящем корнями в далекое прошлое, наиболее стабильном, передающемся из поколения в поколение» [3. С. 6].

Научным направлением, изучающим проявления гендера в языке и речи, стала гендерная лингвистика, рассматривающая две группы вопросов: описание и объяснение того, как манифестируется гендер в языке, и изучение речевого и коммуникативного поведения мужчин и женщин. Гендер не является собственно лингвистическим понятием, он попал в языкознание из таких

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).

наук, как история, историография, социология и психология. Тем не менее его содержание может быть раскрыто с помощью анализа различных структур языка.

Междисциплинарный статус гендерной лингвистики обусловил своеобразие изучения гендера и гендерных стереотипов. Необходимым условием исследования становится использование данных других, смежных с лингвистикой наук: культурологии, истории, психологии. Такой подход предполагает научную интерпретацию языкового материала на основе экспликации сведений по истории и культуре соответствующего субэтноса.

Гендерные характеристики и стереотипы в языке отчётливее всего проявляются на лексико-фразеологическом уровне. Анализ лексического состава позволяет выявить средства, которыми располагает язык для конструирования гендера и гендерных стереотипов.

Один из наиболее полных и достоверных источников диалектной лексики, «сохраняющий аутентичность взгляда носителей культуры, свободный от инокультурного восприятия и каких-либо инокультурных трактовок» [4. С. 22] – областной словарь. Ярким примером может служить «Вершининский словарь» [5], составленный коллективом томской диалектологической школы. Его издание началось в 1998 г., а последний, седьмой, том был опубликован в 2002 г.

Выбор словаря обусловлен несколькими причинами. Во-первых, объектом лексикографирования. Говор села Вершинино и прилегающих к нему сёл Батурино и Ярское – один из типичных русских старожильческих говоров Сибири – территории исторически полиэтнической, многоконфессиональной, со сложным сочетанием образа жизни, укладов, традиций, языков и говоров, с особыми географическими условиями и связанными с ними особенностями быта. Сибирский старожильческий говор относится к наиболее изученным диалектным системам. К моменту выхода словаря была сформирована база записей диалектологических экспедиций, начатых в 1947 г., словарных карточек, опубликованы диалектные словари различных типов, осуществлено разноаспектное описание русских старожильческих говоров.

За более чем 50 лет сбора материала для словаря в жизни крестьян произошло множество социально-исторических и культурных событий, потрясений и изменений, которые повлияли не только на основы общественного устройства российской деревни, но и на повседневную жизнь людей, их ценности, обыденные представления, нормы поведения и жизненные стратегии, которые непосредственно связаны с изменением гендерных ролей и трансформацией гендерных стереотипов. Столкновение социально-политических условий и традиций, старых и новых укладов гендерного порядка проявилось в формировании особых гендерных культур, что не могло не найти отражения в языке и, соответственно, в словаре.

Во-вторых, важную роль при выборе источника играет жанр словаря. «Вершининский словарь», являясь полным толковым словарем, включает не только диалектную, но и общерусскую лексику и фразеологию. В состав словаря входят и нейтральные, и стилистически окрашенные единицы, эмоционально-экспрессивные единицы, общеупотребительные и с ограниченной сферой употребления, архаизмы и неологизмы. Он включает 34 170 лексико-

фразеологических единиц вершининского говора (однозначных слов, формальных и лексико-семантических вариантов слова, фразеологизмов), зафиксированных в более чем полумиллионе контекстов. Словарь обладает не только ценным иллюстративным материалом, но и содержит пометы, указывающие на стилистическую отнесенность слова, его происхождение, число зафиксированных словоупотреблений каждой лексемы.

Полнота собранного материала определена не только длительностью изучения Вершининского говора, но и использованием совокупности приёмов его наблюдения: наряду с приёмом лингвистического эксперимента (беседа с информантом) широко использовался приём психолингвистического эксперимента, данные которого позволяют увидеть говор «изнутри», а также приём непосредственного наблюдения с фиксацией речи на магнитную ленту.

Источниковедческие возможности диалектного словаря для лингвокультурологии были рассмотрены в работах О.И. Блиновой [6], Г.В. Калиткиной [7], Е.А. Юриной [8], Т.Б. Банковой [9] и др. Однако репрезентация гендерных характеристик и стереотипов в словаре не было предметом отдельного научного рассмотрения, тогда как через описание гендерных характеристик в сибирском говоре может быть представлена система значимых понятий конкретного общества, их трансформация и динамика.

На примере репрезентации фемининных характеристик рассмотрим информативные возможности «Вершининского словаря».

В результате анализа 34 170 лексико-фразеологических единиц было выявлено, что гендерно маркированной лексикой в лексикографическом источнике оказываются: слова, называющие человека по его принадлежности к полу, характеристики внешности, характера, вида деятельности.

Первая группа гендерно маркированной лексики связана с общей номинацией человека по принадлежности к полу. В зависимости от информации, которую несет в себе лексема, выделяются следующие подгруппы.

1. Нейтральное обозначение женщины в диалекте, вне зависимости от каких-либо характеристик.

Наиболее употребительное общерусское *женщина* (с фонетическим вариантом *женчина*) называет лицо женского пола, независимо от социального статуса и статуса в браке. Второе по количеству словоупотреблений – просторечный вариант общерусского слова *баба*. В отличие от литературного языка, где развиваются «тенденции «огрубления» и отчуждения его на периферию языковой картины мира <...> в сознании диалектоносителей *баба* до сих пор продолжает использоваться как безоценочная, стилистически нейтральная номинация замужней женщины» [Ефремов. С. 121–122]. В качестве доказательства приведем фрагмент иллюстративного материала к словарной статье в «Вершининском словаре»: *А баба красива была така, отчаянна, бойка, пела, тила, плясала, с мужиками гуляла. // Пять-шесть баб борону таскали [в войну] и боронили.*

Несмотря на то, что *женщина* в диалекте имеет большее количество словоупотреблений, лексема *баба* имеет несколько значений (замужняя женщина; жена; любовница; мать отца или матери; бабушка; обращение к пожилой женщине, старухе; повивальная бабушка), что «свидетельствует о большей степени ее освоенности в говоре» [10. С. 260]. Кроме того, эти две лексемы «от-

личаются разными способами вхождения в диалектный контекст. **Женщина** обычно используется для обозначения незнакомого человека из другой сферы, чуждой говорящему, в совокупности с неопределёнными местоимениями и частицами, маркирующими категорию чуждости...» [10. С. 260].

Стилистические пометы содержат словарные статьи с единицами, производными от лексемы **баба**. Это ласкательные: **бабёнка / бабочка, бабёночка**: *Она така открытая бабёнка. // Она чистоплотненька бабочка. // Колхозные бабочки-то робют. // У сына хороша бабёнка. Живут хорошо. // А эта бабочка-то кака хороша, жена-то. // Они расходились, а потом сходились. Хороша бабочка была, жалко. // Бабёночки рядом живут хороши. // Так это Витька чё, женился? Сюда бабу привёз. Бабёночка ничё, ага? Пренебрежительные: **бабёнишка, бабёнчишка, бабёшка**: *Бабёнишка идёт. Тьфу! Напилась. // Бабёнчишка? Котора пьяна, так её и ругают: бабёнчишка. // А бабёшка-то? Ох, ленива. Огород зарос. // А бабёнишка [у сына] плоха. Дети голодны, он голодный... // Пьёт. Неишадно пьёт Сашкина бабёнчишка-то. // Это аферистка настояиша ходит тут [продает шали], бабёнчишка-то была; Бабёнчишка - котора пьяна, так её и ругают: «бабёнчишка». Исходя из содержания контекстов, негативную оценку слово получает, когда речь идет о женском пьянстве и бесхозяйственности.**

Третьим по распространённости употребления среди общих номинаций становится диалектное **женска**: *А меня ругали женски которы, что у тебя така семья, работать-то ты ешо ходишь.*

2. Номинация лица женского пола, в зависимости от статуса в браке.

В традиционной культуре важную роль играло замужество. Это было переходным событием в жизни женщины, которое предписывало ей определенные жизненные установки. Этим объясняется четкое разграничение номинаций, указывающих на статус женщины в браке.

Девичество отмечено лексемами: **девка, девушка / деушка, девах, девица**: *Девчишники – пели песни про невесту накануне свадьбы. Это для деушки, её последний вечер; Девки на свадьбе не было, не приглашали. Придут, посмотрят – и всё, отваливайте от квартиры; Молода была – ходила на вечерки вечером. Парни, девки соберутся. Летом на улицы.*

В словаре представлены лексические единицы, связанные с темой девичества: **девичий, девский** – относящийся к девушке, **в девках** – до замужества, **девичник, молодухин пирог** – вечер у молодой жены, на котором ее одаривают подарками, **расплетение косы** – ритуал свадебного обряда и др.

Тема непорочности девушки до свадьбы отмечена словарными статьями **честная девушка, самостоятельная девушка**: *Прямо стыд-позор, выведут в одной сорочке, да ещё и повертят тебя. Что если ты и честная девушка. Да вот так делано.*

Женщина, состоящая в браке: **жена, баба, женка, женушка, супруга, хозяйка**.

Молодую замужнюю женщину характеризуют лексические единицы **молодуха, молодушка**: *Молодуха – первый год замуж выдет. Вот её похристианству молодухой зовут. // Молодухой на другой день невесту звали. У ей расплетали косу.*

Молодухой называли и замужнюю женщину, родившую первенца сына: *Молодуха – после свадьбы, пока не родит. Если сына принесёт – ешио молодуха, а если дочь – нет.*

Статус вдовы отмечен лексемами **вдова / овдова, вдовуха / овдовуха, вдовушка**: *Там живет овдова, одна. // Вдовуха я вот осталась, муж погиб. // Овдовела, так и вишь, муж помер, овдовела вдовушка, овдовая, о женщине, оставленной мужем – брошенка, разженка: Брошенка когда называли так раньше, брошенки – так её муж бросил.*

Женщина, не вышедшая замуж, – **девка (в девках)**: *Хороша женищина, она девка, ей уж песья пять лет.*

Вторая группа гендерно маркированной лексики – слова, характеризующие внешность и характер человека. Однако выявлено, что подавляющее число лексем, используемых для характеристики мужчин и женщин, являются гендерно симметричными, их употребление по отношению к мужчине или женщине зависит от контекста, в котором употребляется данная лексема. Так, например, лексемы **аккуратный, чистоплотный** чаще употребляются по отношению к женщине: *Чистоплотна, хороша женищина: везде чисто, в избе чисто, сама чиста, аккуратна. Говорят: аккуратистка.* Неодобрение вызывает ее неопрятность, неаккуратность. Например, лексемы **беспелюха, нечистюлька** характеризуют неумелую, нечистоплотную женщину: *Беспелюха делать ничё не может; Не знаю, вот навязалась така нечистюлька, ничё делать не хочет.*

Кроме традиционных женских характеристик, связанных с пространством дома, семьи, в словаре нашли отражение характеристики, связанные с вовлечением женщины в производство и общественную жизнь и рассматривающие женщину как рабочую единицу, равную по социальному статусу мужчине. Положительными женскими качествами становятся **активность**: *Активны, а вот остальные, они, как одиночники. Она така была хороша, и активна везде, в заводе там она везде участвовала и в самостоятельности везде; бойкость: Она бойка, пробоиста баба. Когда чё привезет, когда огурцы мои продаст; склонность к работе: Говорят, который выбирает [жену] красивую, который, говорят, – не дошла, да по двору ходила, который – за характер, который – за рабочий [нрав] любят, уважают, что она работница хороша; Работница была хороша, работала в колхозе; А я хороша была работница.*

Негативные характеристики, связанные с пьянством и распутством, обычно относящиеся только к мужскому миру, становятся гендерно симметричными: *Гулеван – кто гуляет, пьёт, с бабами чужими ходит от пьяна. Гулеванка – женищина, она тоже гулят с мужиками – от своего мужа...*

Женщине в обществе было предписано быть работающей и активной, а о ее красоте говорится лишь как о констатации факта: *Девочки красивенькие были, миленьки, померли; А баба красива така была, отчаянна, бойка!; Хорошенька, как куколка.*

Третья группа лексики – слова, называющие человека по социальному статусу и виду деятельности.

Словарь включает словарные статьи, отражающие статус женщины в семье: **мать, дочь, теица, свекровь, тётя, мачеха** и др.

В словарных статьях *дама, барышня, барыня* актуализируется семантический компонент принадлежности женщины или девушки к городу: *С первой же зимы меня стали уже просить, да и в городе узнали, что я могу скатать тины хороши для дам; барышня* сопровождается пометой Уваж. – уважительное: *Я вашим барышням сказала: миленьки вы мои, таки я пословицы вам берегла! // Идёт одна барышня, красива, как у меня, ходили раньше с косой; барыня* дается с пометой Бран. – бранное и значением `О бездельнице`: *На улицу сейчас выкину! Айда! Городска барыня!*

Социальные и культурные изменения в обществе нашли отражение в существовании в диалекте лексем, называющих женщину по профессии или должности. Например, *агрономка, агрономиша, бухгалтерша, докторица, врачиха, врачиха* и др. Некоторые из названных слов в словаре сопровождаются пометой Нов. (новое). Традиционной для российского общества являлась патриархальная гендерная система, а женскими в русской культуре считались те сферы деятельности, которые связаны лишь с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, приготовлением пищи. Архаичные формы подобной фиксированности деятельности закрепились и в диалекте в виде существования только женского эквивалента названия по профессиональному принципу. Например, *вязальщица, вышивальщица*. Но российские социальные трансформации вызвали целый ряд новых проблем, которые непосредственно связаны с изменением семьи, положения женщины, ценностей и норм в отношениях мужчин и женщин. В обществе изменяются ценности культуры, меняется и гендерная система. На смену патриархату приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин в разных сферах, в том числе и в профессиональной. В контекстах словарных статей таких лексем отсутствует отрицательная оценка: *Удобрена большу роль играт, она говорила, агрономкой её звали. Она не вершининска. // Танёшка – это как её, булгактерши-то, её девочка всё каждый день по землянику ходит. // А булгактерша-то ей сказала, что чё-то неправильно.*

Таким образом, описание гендерно маркированных лексических единиц диалекта позволяет восстановить фрагменты диалектной картины мира и проследить трансформации, вызванные социальными и культурными изменениями. В статье представлены лишь некоторые возможности словаря как источника изучения гендерной системы диалекта. Перспективы для изучения гендерной картины мира дает анализ фразеологического состава словаря и его иллюстративной части, содержащей информацию о гендерных стереотипах традиционной культуры.

Литература

1. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ... д-ра филол. наук. Н.Новгород, 2005. 401 с.
2. Кирилина А.В. Гендер : лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.
3. Манзулина З.А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект : на материале русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 179 с.
4. Калиткина Г.В. Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 2) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 17–23.
5. Вершининский словарь. Т. 1–7. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 308 с.
6. Блинова О.И. Способы отражения народной духовной культуры в областном словаре // Культура Отечества : прошлое, настоящее, будущее. Томск, 1995. Вып. 4. С. 64–69.

7. *Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции* (статья 1) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2006. № 291. С. 12–19.

8. *Юрина Е.А.* Областной словарь как источник изучения культуры народа // *Этносы Сибири: язык и культура*. Томск, 1997. С. 46–49.

9. *Банкова Т.Б.* «Полный словарь сибирского говора» как источник изучения народного мирозерцания // *Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духовно-исторических чтений / под ред. Л.М. Хараима, О.Н. Бахтиной, О.Т. Лойко*. Томск, 1995. Вып. 4. С. 80–84.

10. *Демешкина Т.А.* Стандарт и нестандарт в диалекте. ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII/ Sborník příspěvků z mezinárodní konference XX. Olomoucké dny rusistů – 02.09. – 04.09. 2009. Olomouc, 2009. С. 259–263.

Tolstova Maria A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tolstova_11@mail.ru

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 68–75 pp.

DOI:10.17223/22220836/24/7

GENDER IN TRADITIONAL CULTURE THROUGH A DICTIONARY

Key words: *gender, gender stereotype, traditional culture, dictionary.*

The article is concerned with a topical anthropocentric scientific trend – gender linguistics, which studies the role of gender and gender stereotypes in language and speech. The interdisciplinary character of the branch involves the scientific interpretation of language material in terms of data explication in history and culture of a respective subethnos. Accordingly, a system of meaningful concepts for a particular society, its transformation and development can be construed through description of gender characteristics in the dialect.

In a language, gender characteristics and stereotypes are displayed with the highest distinctiveness at the lexico-phraseological level. As a lexicographical source reflecting the vocabulary of particular dialect we selected the “Vershininskiy dictionary” composed by the Tomsk dialectological school. The choice is determined by the subject of lexicography – a dialect of Vershinino village, one of the typical old-time Siberian dialects. The comprehensiveness of the material gathered is ensured by lengthy studying of the dictionary and its genre being unabridged, explanatory and filled not only with dialectic, but common Russian vocabulary and phraseology.

On the basis of feminine characteristics representation, the article analyzes the means of constructing gender and gender stereotypes formed in a traditional culture and caused by the social and cultural changes of the 20th century.

Analysis of lexico-phraseological units found in the lexicographical source revealed that gender-marked vocabulary is constituted by words referring to a person by sex assignment, appearance, character, social role and kind of activity. The first group of gender-marked vocabulary is linked to a general denomination of a person by sex assignment. Depending on the information contained in a lexeme two categories are identifiable: general denomination of a woman irrespective of any status and denomination subject to her matrimonial status. The second group includes words describing the appearance and character of a person. It was discovered that the overwhelming majority of lexemes characterizing men and women are gender-symmetrical and their use depends on context. The third group of gender-marked vocabulary comprises words characterizing a woman in terms of her social condition – family status, job and position. Language transformation connected with changes in family institution, status of women, values and standards in men-women relationship are noted as well.

In this way description of dialectic gender-marked lexical units allows the reconstruction of fragments of a dialectic worldview and trace transformation caused by social and cultural changes.

References

1. Gritsenko, E.S. (2005) *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera* [Language as a means of constructing gender]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

2. Kirilina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

3. Manzullina, Z.A. (2005) *Yazykovaya kategorizatsiya gendernykh stereotipov: sopostavitel'nyy aspekt: na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov* [Language categorisation of gender stereotypes: A comparative aspect: A case study of Russian and French]. Philology Cand. Diss. Ufa.

4. Kalitkina, G.V. (2007) Dialektnye slovari kak lingvokul'turologicheskiy istochnik: opyt rekonstruktsii traditsii (stat'ya 2) [Dialectal dictionaries as a linguistic and cultural source: Reconstructing tradition (Article 2)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 17–23.
5. Blinova, O.I. (ed.) (1998) *Vershininskiy slovar'* [The Vershinino Dictionary]. Vol. 1–7. Tomsk: Tomsk State University.
6. Blinova, O.I. (1995) Sposoby otrazheniya narodnoy dukhovnoy kul'tury v oblastnom slovare [Methods of reflecting the people's spiritual culture in the regional dictionary]. In: Kharaim, L.M., Bakhtina, O.N. & Loyko, O.T. (eds) (eds) *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The culture of Motherland: Past, Present and Future]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 64–69.
7. Kalitkina, G.V. (2006) Dialektnye slovari kak lingvokul'turologicheskiy istochnik: opyt rekonstruktsii traditsii (stat'ya 2) [Dialectal dictionaries as a linguistic and cultural source: Reconstructing tradition (Article 1)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 291. pp. 12–19.
8. Yurina, E.A. (1997) Oblastnoy slovar' kak istochnik izucheniya kul'tury naroda [Regional Dictionary as a source of study the culture of Siberian peoples]. In: Osipova, O.A. (ed.) *Etnosy Sibiri: yazyk i kul'tura* [Siberian ethnic groups: Language and culture]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 46–49.
9. Bankova, T.B. (1995) “Polnyy slovar' sibirskogo govora” kak istochnik izucheniya narodnogo mirosozertsaniya [The Complete Dictionary of Siberian dialect” as a source of study of the national outlook]. In: Kharaim, L.M., Bakhtina, O.N. & Loyko, O.T. (eds) *Kul'tura Otechestva: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The culture of Motherland: Past, Present and Future]. Issue 4. Tomsk: Tomsk State University. pp. 80–84.
10. Demeshkina, T.A. (2009) [Standard and nonstandart in the dialect]. ROSSICA OLOMUCENSIA XLVIII. Proc. of the Conference. Olomouc. pp. 259–263.